МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ. НАУКА БЕЗ МЕТОДА?

ИГОРЬ ИСТОМИН

АНДРЕЙ БАЙКОВ

МГИМО МИД России, Москва, Россия

КОНСТАНТИН ХУДОЛЕЙ

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Резюме

Год столетия учреждения первой кафедры международной политики — подходящий повод бросить ретроспективный взгляд на историю развития «международных отношений» (МО) как самостоятельного кластера учебно-научных дисциплин, оценив их с точки зрения зрелости сложившихся в его рамках представлений о границах предмета науки о МО и об адекватности её теоретико-методологического инструментария. Авторы настоящей работы, формулируя свою реакцию на открывшую эту своевременную дискуссию статью А.В. Фененко, подвергнувшего критике использование количественных методов в международно-политических исследованиях, предпринимают более масштабную попытку не только непосредственно ответить А.В. Фененко по конкретным пунктам несогласия с ним, но и в более широком сопоставительном контексте соотнести траектории эволюции МО в России и за рубежом, выявить причины их расхождений, очертить место метода как такового в методологии международно-политической науки и, наконец, охарактеризовать с точки зрения эпистемологии применимость и роль количественного и качественного анализа при изучении явлений международной жизни. Основной тезис предлагаемой статьи состоит в утверждении того, что российская версия науки о МО, в отличие от её западного аналога, совершившего существенный прогресс не только в плане значительно более проработанной методологии, но и в смысле преодоления теоретико-методологической фрагментации сообщества учёных-международников, по-прежнему находится на дометодологической и в этом смысле донаучной стадии развития, на которой отсутствует согласие по типу «нормальной науки» о приемлемых методах исследования и сохраняется разобщённость среди учёных во взглядах на природу постигаемого объекта и возможности его объективного познания. В заключение авторы излагают своё видение оптимального соотношения эпистемологических и методологических подходов к изучению международно-политической действительности.

Ключевые слова:

Теория международных отношений; количественные и качественные методы исследований; профессионализация МО; онтология, эпистемология и методология международно-политических наук; парадигмы в науках; нормальная наука.

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.07.2019

Дата принятия к публикации: 18.10.2019

Для связи с авторами / Corresponding author:

Email: iaistomin@gmail.com

Недавняя публикация видного отечественного специалиста А.В. Фененко [Фененко 2018] провокационно ставит вопрос об эффективности количественных методов для изучения международной политики. Вообще в год столетия институционализации «международных отношений» (МО)¹ особенно бросается в глаза тенденция покрывать их за недостаточную теоретическую стройность, методологический утопизм и даже избыточную схоластичность [Сергеев и др. 2019]. Впрочем, отдельные элементы этой критики звучали в российской науке и раньше. Думается, это происходит отчасти оттого, что многие из авторов-скептиков, представляя дисциплину «международные отношения» номинально, профессионально сформировались в традиции других дисциплин, связанных с МО лишь опосредованно. Речь идёт прежде всего об истории международных отношений, международном праве, политической философии и в какой-то степени военных науках, предмет, теоретический аппарат и методы которых необходимо отличать от тех, что органически развивались в рамках «международных отношений» последние семь-восемь десятилетий. Признавая значимость каждой из отмеченных наук в генезисе «международных отношений», сложившихся в результате междисциплинарного синтеза, следует тем не менее подчеркнуть их самодостаточный характер как подотрасли политической науки по отношению к каждой из упомянутых областей знания.

В ведущих *зарубежных* научно-образовательных центрах (в том числе в США, Западной Европе, а также наиболее авторитетных китайских университетах) «международные отношения» уже пережили фазу первичной профессионализации, имевшей несколько существенных следствий для их дидактики и социологии.

Во-первых, в их рамках оформился ряд равноположенных, чётко демаркированных теоретических школ (иногда не вполне точно именуемых «парадигмами») и соответствующих им методологических подходов к постановке и решению исследовательских задач. Одновременно с этим утвердился консенсус относительно важности ознакомления студентов и аспирантов со всем множеством взглядов на онтологию МО в целом и на особенности их отдельных функционально-предметных сегментов (разветвлённая система теорий среднего уровня). *Во-вторых*, на уровне бакалаврских программ сложилась жёсткая матрица обеспеченных авторитетными пособиями учебных дисциплин, реализация которых гарантирует усвоение «золотого стандарта» знаний, умений и навыков, позволяющее рассчитывать на достижение выпускниками минимально приемлемого квалификационного уровня [Walt 2018]. Результатом профессионализации «международных отношений» в зарубежном, преимущественно трансатлантическом, ареале стало уверенное освоение выпускниками ведущих школ набора компетенций, неотъемлемой частью которых является свободное обращение со всем набором вошедших в арсенал науки о МО методов исследования. И количественные методы занимают в их ряду важное место, хотя их значение не стоит абсолютизировать [Байков 2016].

В-третьих, в глобальном научном сообществе международников широкое признание получил тезис о том, что без открытого, эксплицитного объявления исследователем того, посредством применения каких конкретных методов и на каком контролируемом эмпирическом материале он пришёл к тем или иным заключениям, подтвердить их достоверность и репликацию в последующих работах коллег *a priori*

¹ В англоязычной литературе принято различать «международные отношения» как комплекс учебно-научных дисциплин (International Relations — с заглавных букв) и «международные отношения» как объединяющий их предмет изучения (international relations — со строчных букв). В российском специализированном дискурсе на письме такое разграничение, как правило, не проводится. В этом случае обычно говорят о международных отношениях как о науке и реальности. Взятое в первом значении словосочетание нередко заключается в кавычки.

невозможно [Moravcsik 2014a; 2014b; 2019]. Проблема состоит не в том, какое семейство методов выбрать, а в том, чтобы любое исследование не сводилось к логико-интуитивному высказыванию, эмпирическая и теоретическая составляющие которых жили бы каждой своей отдельной жизнью, а общая методология угадывалась бы только по косвенным признакам, если вообще систематически применялась. Важно быть уверенным в том, что использование того или иного метода есть осознанный выбор исследователя, продиктованный его научно-исследовательской программой, а не побочный продукт невладения им количественными и качественными методами, тем более что представление об их сути, не говоря уже о техниках применения, у современных исследователей, отвергающих, как они считают, «принудительную математизацию» МО, крайне расплывчато и неточно².

Отвечая на вызов А.В. Фененко и разбирая конкретные пункты несогласия с ним, мы в то же время настаиваем на важности фиксации более общей проблемы: в то время как в ведущих зарубежных школах науки о международных отношениях произошёл существенный прогресс в вопросах разработки методологических подходов к изучению международно-политических феноменов и равномерного распространения соответствующих компетенций, сообщество международников в России по-прежнему разделено на тех, кто владеет современной методологией исследований, количественными или качественными методами, и тех, кто предпочитает опираться на традиционный историко-нарративный, или логико-интуитивный, подход, компенсируя дефицит компетенций напористым критическим настроем в отношении первой охарактеризованной группы исследователей.

Для доказательства этого тезиса мы предполагаем построить своё рассуждение

по следующей схеме: в первой части статьи изложить наше понимание истоков методологической разобщённости отечественных международно-политических исследований и очертить место метода как такового и методологии вообще в этой группе общественно-научных дисциплин; во второй части — подробнее задержаться на описании версии «методологического редукционизма» А.В. Фененко и провести его критический разбор; далее обсудить условия достаточности и целесообразности применения в международно-политической науке количественных и качественных методов и, наконец, в заключение оценить перспективы движения дисциплины к методологической консолидации.

1

«Международные отношения», или МО, представляют собой не вполне конвенциональную область исследований. В каком-то смысле они сродни языкознанию — при всей условности этой аналогии. Сходство прослеживается хотя бы в том, что в обоих случаях, несмотря на то что возникновение первых хрестоматийных для данных дисциплин работ датируют Античностью, систематическое их развитие впоследствии было прервано затянувшейся паузой и возобновилось на новой теоретико-методологической основе спустя почти две с половиной тысячи лет. «Перерождение» обеих наук в середине XX в. стало следствием двух революций в смежных дисциплинах и, шире, в философии познания. В случае с лингвистикой импульсом к повторному обретению дисциплины стала «когнитивная революция» 1950-х годов. В случае с МО обособление международно-политических дисциплин от прочих наук об обществе и человеке стало результатом шока двух мировых войн, а чуть позднее, в 1960-х, — общей тенденции к «модернизации» социогуманитарного знания и свя-

² Подробнее об этом см. материалы круглого стола в: *International History and Politics APSA Section Newsletter* (Winter 2016). [Электронный ресурс]. URL: <https://dialogueondartdotorg.files.wordpress.com/2016/06/international-history-and-politics-newsletter-no-2.pdf> (дата обращения: 23.11.2019).

занной с этим профессионализации относящихся к нему наук.

Для «международных отношений» последнее означало конституирование в её рамках предметно специфичной частно-научной теоретической дисциплины — теории международных отношений — и ускоренной разработки системы методов и методик исследования, испытавших на себе существенное влияние представителей точных и естественных наук с их особым вниманием к верифицируемости и воспроизводимости результатов. На первых этапах обеспечение этих двух характеристик, служащих одними из условий достоверности научного знания, мыслилось на путях максимально возможной квантификации (представление качественных свойств изучаемых явлений в количественной форме). Как следствие, в эпистемологии «международных отношений», как минимум до активного выхода на авансцену представителей конструктивизма в 1990-х годах, стала доминировать триада *научного реализма* (построения объяснительных моделей, максимально приближенных к описываемой реальности), *сциентизма* (принятию общенаучных принципов того, какого рода исследовательская деятельность отвечает критериям научности) и *методологического позитивизма* (установки на приоритет субъект-объектных отношений). В 2000-х и особенно 2010-х годах позитивистская доминанта несколько ослабла, и благодаря работам прежде всего (но не только) конструктивистов качественным методам удалось отстоять свою легитимность. Вместе с тем требования к корректному применению качественной методологии стали не менее строгими, чем к количественной [Moravcsik 2014c]. Более того, и в этом безусловное достижение споров между рационализмом и рефлексивизмом, качественные и количественные методы стали рассматриваться по меньшей мере как равноценные, а в последнее время всё чаще как дополнительные по отношению друг к другу способы обоснования научных гипотез, совмещать которые в методологическом аппарате

конкретных исследований в международно-политической науке становится правилом хорошего тона [Seckon 2004].

Сегодня в контексте обсуждения особенностей МО, как правило, обращают внимание на плюрализм (на грани с эклектизмом) теоретических макроподходов и их внутренних разновидностей (отдельных теоретических концепций) к изучению международно-политических фактов и явлений, затрудняющий формирование общей картины функционирования феноменов этого типа [Торкунов 2019]. Развивая задаваемую в этих публикациях логику, можно найти аргументы, обосновывающие допарадигматический, по Куну, уровень зрелости международно-политических наук, не достигших пока стадии «нормальной науки» [Кун 1977; Гаман-Голутвина 2019], когда между учёными устоялись бы широко разделяемые конвенции о предмете и методах, о канонах исследования и его эталонных образцах; о неоспариваемых началах науки — выверенных дефинициях её фундаментальных категорий и понятий. В самом деле в «международных отношениях» только складывается общепринятый метаязык, позволяющий с помощью системы общепринятых терминов описывать изучаемую реальность, к созданию которого призывал в своей последней крупной работе М.А. Хрусталёв [Хрусталёв 2008]. Состояние «международных отношений» в этом конкретном случае как будто действительно больше походит на то, что Т. Кун называл допарадигматическим периодом, или в лучшем случае на фазу «Основание парадигмы», при которой коммуникация между учёными осуществляется в обособленных анклавах единомышленников, а главным её инструментом продолжают оставаться монографии.

Вместе с тем подобные оценки кажутся нам неполными. Если брать социологический срез ситуации, то в дисциплине, очевидно, сложился «пантеон» теоретиков-классиков и выдвинутых ими основополагающих допущений, а основная масса исследований, публикуемых в ведущих рецензируемых журналах, проводится не

с целью постоянного производства научных инноваций и открытия новых феноменов, а в русле дальнейшей разработки центральной парадигмы для решения и уточнения поставленных в её рамках исследовательских вопросов [Mearsheimer 2016]. Вот почему есть основания полагать, что в той степени, в которой желанная «нормальность» вообще достижима в социогуманитарных науках, она во всевозрастающей степени характеризует современное состояние «международных отношений». И потому гораздо логичнее вывод о том, что развитие социальных наук, в которых, как правило, соседствуют несколько теоретических традиций, не вполне постигается и описывается логикой Куна [Ritzer 1975].

В этом смысле довольно удивительно наблюдать, как рядом и как будто бы в связи с отмечаемым теоретическим плюрализмом в среде отечественных международников ширится дискуссия о пределах адекватности применяемых методов и конкретных аналитических технологий, позволяющих собирать и обрабатывать данные о природе и закономерностях международной жизни. Примером дискурса о несостоятельности «модернистских» подходов к анализу МО и является обсуждаемая здесь статья А.В. Фененко. Сверх того, и это, наверное, центральный пункт нашего принципиального с ним несогласия, количественные методы критикуются вне рассмотрения теоретических оснований моделирования (объяснения) исследуемых ситуаций, как нечто отдельно стоящее, как если бы методы не являлись частью общей методологии международных отношений. В этом смысле явным диссонансом звучит подразумеваемый в статье вывод о некоем повальном увлечении количественными методами, поскольку он явно идет вразрез с ситуацией «мультипарадигмальности» науки о международных отношениях и порождаемой ею сегментации сообщества учёных-международников с точки зрения применяемых методов [Торкунов 2019].

Проблема, таким образом, шире и глубже. Она может быть сформулирована сле-

дующим образом: в ходе эволюции мировой науки о международных отношениях произошло размежевание между авторами, следующими рефлексивистской традиции логико-интуитивного обоснования научных идей с опорой на качественный исторический анализ, и теми, кто придерживается рационалистских принципов моделирования с применением стандартизированного набора методов обработки данных для выявления вероятностных зависимостей и их последующей каузальной интерпретации. Преодоление этого размежевания стало преобладающим методологическим занятием и предметом осознанной озабоченности мирового сообщества международников начиная со «второго большого спора». О полном преодолении этого размежевания говорить вряд ли возможно. В этом смысле методологический «дуализм», который в начале 2000-х возвестил М.А. Хрусталёв [Хрусталёв 2008], пока так и остаётся лишь пожеланием в отношении мирового состояния дел в МО, не говоря о её российском сегменте. В Соединённых Штатах эта проблема была полемично поставлена в известной статье Дж. Миршаймера и Ст. Уолта «Забытая о теории...», где авторы удачно передали суть обозначенного противоречия фразой «между теорией и тестированием гипотез» [Mearsheimer, Walt 2011], имея в виду, что речь фактически идёт о делении исследователей на тех, кто ищет причины наблюдаемых явлений и стремится к концептуальному раскрытию лежащих в их основе каузальных зависимостей, и тех, кто занимается эмпирическим подтверждением уже высказанных предположений о природе международно-политических феноменов. В упомянутой статье подробно освещена причина возникновения противостояния, в детали которого мы позволим себе не входить.

Другое дело, что в западном сообществе всё-таки сумели отыскать адекватные способы конвергенции двух методологических подходов на стадии инициации в профессию — аспирантских программ, освоение которых невозможно без овладения инструментарием индуктивного статистиче-

ского моделирования и хотя бы первичного знакомства с дедуктивным формальным моделированием, основанным на математически обоснованном выведении логических следствий из минимального числа отобранных исходных допущений (аксиом). И это при том, что в дисциплине по-прежнему доминируют качественные исследования.

Между тем в России проблема методологического антагонизма сторонников количественных и качественных методов исследования изоморфна и имеет дополнительные существенные измерения. Дело в том, что для воспроизведения патологического состояния науки, описанного Миршаймером и Уолтом, у нас нет отмеченных ими условий, и прежде всего — массовых программ аспирантуры, на которых соискателей научной степени учат овладевать количественными методами работы с базами данных.

Российская ситуация, скорее, может быть объяснена двумя факторами, один из которых специфичен для России, а второй — имеет общемировое приложение, однако не обсуждался в статье Миршаймера и Уолта. Первое объяснение связано с тем, что «международные отношения», будучи в широком смысле кластером дисциплин, объединённых общим объектом изучения — внешнеполитическим поведением суверенных субъектов и результатами их взаимодействия, — фактически состоят из научных направлений, имеющих в качестве своего непосредственного предмета изучения явления разной степени обобщения и в этом смысле относящихся к типологически различным категориям научных дисциплин. Действующая на уровне выявления предельно общих закономерностей и имеющая дело в основном с обозрением, систематизацией и уточнением понятийного аппарата науки политическая философия с точки зрения идентификации себя как способа познания мира не является, строго говоря, наукой постольку, поскольку содержанием её деятельности не выступает получение объективных знаний о мире в форме проверяемых научных гипотез.

Это — критическая, рефлектирующая мысль о предмете — в нашем случае «международных отношениях», — не предполагающая исследования конкретных проявлений мировой политики с целью построения верифицированных научных теорий. История международных отношений также не может быть отнесена к социальным наукам в современном понимании, которое связывает последние с выработкой обобщений о широком классе наблюдений (social sciences), поскольку действует на уровне фиксации и аккумуляции явлений единичного порядка — исторических фактов. В этом смысле вполне уместно введённое В. Виндельбантом дихотомия номотетических, направленных на выявление общих «законов», и идеографических, имеющих дело с изучением уникальных феноменов, наук. К последним Виндельбанд, а вслед за ним и развивший его концепцию Г. Риккерт, среди прочих, относили историю [Thomae 1999].

В то же время для систематизации и осмысления истории специалистам-историкам требуется теоретический аппарат. В силу сложившегося ещё в Советском Союзе доминирования в гуманитарной подготовке дисциплины «Философия» как инварианта общей методологии науки, именно философская парадигма стала главенствующей при концептуализации истории межгосударственных взаимодействий как макропроцесса, в котором действуют «глубинные», или структурные (в духе французских историков-структуралистов), законы. В результате «История международных отношений» сложилась как преимущественно историософская, а не политологическая дисциплина.

Социологический аспект профессионализации МО в России приобретает в данном контексте ключевое значение. В подавляющем большинстве центров подготовки МО в России сложился временно-ситуативный, но устойчивый союз историков и философов (особенно это характерно для востоковедения), фактически отвергающий любую попытку квантификации качественных свойств в социогуманитар-

ном знании. Отрицание количественных методов происходит по основаниям как сущностным — ни философский, ни исторический методы рассуждения не сопрягаются с идеей квантификации, так и чисто квалификационным — вхождение представителей этих наук в МО происходило уже на зрелом этапе карьеры и практически исключало возможность овладения количественной методологией. К ним примыкают специалисты из области права, прежде всего международного, для которого онтологически характерен ярко выраженный крен в сторону нормативности, а эпистемологически — почти полное господство метода дискурс-анализа. Отчасти выровнять ситуацию помогают те, кто пришёл в МО из экономики, психологии, лингвистики (не филологии) и военных наук, где симпатия к стандартным научным методам прививается со студенческой скамьи. Впрочем, в силу тенденции к профессионализации наук возможно думать, что доля учёных этого типа со временем будет снижаться. Поводом для оптимизма является стандартизация учебного плана на всех уровнях профильного образования с расширением в них доли методологических курсов и планомерным генерационным замещением их выпускниками соответствующих академических позиций.

Вторым объясняющим обстоятельством служит в значительной степени остающийся недооценённым факт того, что в силу отмеченной дискретности структуры кластера «международных отношений» в них сложились устойчивые симбиозы-комбинации теоретической ориентации авторов и предпочтительных для них методов и методик. В сущности, можно говорить о своеобразной теоретико-методологической фрагментации дисциплины, разделяющей учёных не только по взглядам на онтологию и эпистемологию международно-политической науки, но и по преимущественному использованию той или иной методологии. Не случайно в МГИМО в 1990-х годах под влиянием ставших классическими работ М.А. Хрусталёва под методологией стало пониматься именно та-

кое синкретическое единство теоретического подхода, метода (под которым он понимал прежде всего логико-интуитивный метод структурированного анализа и рассуждения, и противопоставляемый ему метод более или менее формального моделирования) и конкретных информационно-аналитических методик. Как правило, в этом контексте обычно говорят об устойчивом сочетании метода и методик, и именно это чаще всего подразумевал сам Марк Арсеньевич. Так, традиционному методу (историко-нарративному, или логико-интуитивному) и отчасти логическому моделированию соответствует набор качественных методик проведения исследования, тогда как методы формального и количественного моделирования соотносятся с преимущественным использованием количественных методик.

Вместе с тем на деле такого рода сращивание вышло за пределы строго методологии и, соединяясь с теоретической ориентацией авторов, стало образовывать жёсткую теоретико-методологическую матрицу, внутри которой, например, исследования, выполненные в рамках конструктивистского направления, почти абсолютно коррелируют с качественной методологией, а исследования, подготовленные на базе аксиоматики либеральной школы, устойчиво коррелируют с количественной методологией [Farrel, Finnemore 2009]. При этом, хотя методологические предпочтения реалистов жёстко не детерминированы, тем не менее в силу приоритетного внимания, которое они уделяют отношениям между великими державами, в их работах, как правило (хоть и не всегда), актуализируется «историческая» научно-исследовательская программа, тяготеющая к качественному анализу (качественные исследования в данном случае следует отличать от качественных исследований в социологии и антропологии, где обычно под ними понимается включенное и не-включенное наблюдение, интервью и фокус-группы) [Thies 2002].

Российский казус в этом смысле своеобразен только до определенной степени.

Отмеченное нами первое обстоятельство — сложившееся в силу социологии дисциплины доминирование дисциплин исторического, философского и международно-правового ряда — преодолимо на горизонте 15–20 лет и с учётом нынешних темпов интеграции российской науки о международных отношениях в глобальную имеет относительно меньшее значение как препятствие на пути обретения разделяемой большинством учёных методологии, а главное, ключевых принципов научного исследования — недвусмысленности теоретико-методологической позиции автора, воспроизводимости и проверяемости научных результатов, их верификации и фальсификации.

Второе обстоятельство преодолеть гораздо сложнее. Речь идёт о сознательном стимулировании рационалистов и рефлексивистов поменяться методологическим инструментарием, то есть о деконструкции привычных поведенческих архетипов в науке. Такого рода путь — один из немногих способов достижения подлинного гносеологического прорыва в дисциплине, её приближения к состоянию «нормальности». Взаимное ознакомление с методологией друг друга раскодирует, а в случае с конструктивизмом — и раскодирует — часто недоступные пониманию представителей двух этих научных субкультур секреты построения научного процесса друг друга и обеспечит процесс коммуникации в рамках всего сообщества на одном метаязыке науки, пусть и без необходимости принимать аксиоматику друг друга.

Не предвосхищая предлагаемый ниже критический разбор доводов А.В. Фененко, отметим, что невольно и неосознанно он «нажал» на этот главный болевой нерв нашей науки — проблему сращивания теоретического подхода и метода и вытекающей из него проблемы отсутствия полноценной коммуникативно-семиотической системы в границах сообщества. «Международные отношения» — не первая наука, столкну-

вшаяся с угрозой дезинтеграции. Ответ на этот вызов предполагает открытый и честный разговор.

2

А.В. Фененко отмечает, что «...за минувшие десять лет в отечественных международно-политических исследованиях сформировался своеобразный культ количественных методов» [Фененко 2018: 57]. Своими дальнейшими рассуждениями автор пробует обосновать, что этот тренд негативно влияет на приращение научного знания, и заключает: «Сказанное не означает, что количественные методики не нужны международникам. Они важны при изучении определённых специальных отраслей — прежде всего, экономики. В то же время их роль не следует преувеличивать. Главными для международников по-прежнему остаются сравнительно-исторический и нормативный (документальный) методы» [Фененко 2018: 79].

Основным аргументом, подкрепляющим итоговый вердикт А.В. Фененко, выступает увязывание количественных методов со сводом специфических ценностных установок. Он постулирует, что несоответствие идеологических представлений кого-то из участников международной системы этому нормативному консенсусу делает выявляемые исследователями закономерности нерелевантными, то есть неспособными объяснить динамику взаимодействия.

Обсуждаемый автор уже не первый раз обращает внимание читателя на некую идеологическую «заданность» зарубежной науки о международных отношениях. В то же время из его более ранней статьи вытекали прямо противоположные следствия. В ней отмечалось, что именно из-за того, что российские специалисты не способны усвоить западные нормативные установки, для них закрыт путь в ведущие международные издания³. Иначе говоря, в одном случае А.В. Фененко утверждал, что отечественная наука противостоит интеллекту-

³ См.: [Фененко 2016]. Материал, в свою очередь, был ответом на публикацию: [Истомин, Байков 2015].

альной гегемонии США, а в другом — что воспроизводит её некритически посредством заимствования ценностно нагруженных способов проведения исследования. Сама по себе такая логическая непоследовательность ослабляет убедительность выдвигаемых тезисов.

Кроме того, доказательность приводитых утверждений подрывает отсутствие в опубликованной статье разбора хотя бы одного современного академического исследования, основанного на использовании количественных методов! Вместо этого в ней рассматриваются примеры различных индексов, составляемых неправительственными организациями, консалтинговыми центрами и международными организациями. При этом он игнорирует действительно признанные, академические инструменты ранжирования государств в различных сферах, такие как *Polity IV* или «Корреляты войны»⁴.

Несмотря на то что и эти рейтинги не являются идеальными и подвергаются критике в научном сообществе, именно они используются специалистами в качестве источника квантифицированных данных для проведения сравнительных исследований. Выбранные А.В. Фененко примеры могут быть показателями с точки зрения влияния экспертных и псевдоэкспертных инструментов на общественное мнение или даже политику отдельных правительств, но не характеризуют собственно науку о международных отношениях⁵.

Ещё одним аргументом статьи против количественных методов выступает утверждение, что они рассматривают в качестве параметров мощи государств только размеры территории и численность населения. Этот тезис продолжает уже рассмотренную логику деконструкции индексов, но вообще не подтверждается никакими иллюстрациями ни отечественных, ни зарубежных исследователей, допускающих

столь упрощённые представления. Вместо этого А.В. Фененко сразу переходит к их опровержению, приводя множество случаев войн и отдельных сражений, в которых сторона, обладавшая количественным перевесом, оказывалась проигравшей.

Отдавая должное обширному эмпирическому материалу, аккумулированному автором, стоит отметить: сама по себе мысль о том, что воевать нужно «не числом, а умением», не является ни слишком оригинальной, ни особенно оспариваемой. Определение адекватных критериев оценки международно-политической мощи государств остаётся предметом жарких научных дискуссий, и в литературе представлены различные подходы к операционализации этого понятия (из последних работ по этой тематике см.: [Beckley 2018]). В то же время практически ни один из них не сводит список параметров к тем двум, о которых говорит А.В. Фененко.

Наиболее распространёнными выступают различные системы индикаторов, построенные на комбинации демографических, экономических, технологических и военных показателей (см. в том числе: [Treverton, Jones 2005]). Более того, наиболее последовательно тезис о том, что государства с большим валовым хозяйственным потенциалом не в отдельных столкновениях, а в долгосрочной перспективе выходят победителями в междержавной конкуренции, отстаивался не адептами количественных методов, а британским историком Полом Кеннеди. Последний аргументировал свои выводы обширным содержательным исследованием развития международной системы с конца XV века [Kennedy 2010].

Наконец, специального рассмотрения в статье А.В. Фененко удостоивается теория игр. При этом наибольшей критике подвергается допущение, которое делают прибегающие к ней специалисты, о наличии известных участникам анализируемого

⁴ Polity IV. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.systemicpeace.org/polityproject.html> (дата обращения: 23.11.2019); Correlates of War. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.correlatesofwar.org/> (дата обращения: 23.11.2019).

⁵ В последнее время политическое значение инструментов рейтингования получило освещение и в зарубежных работах [Kelley 2017].

взаимодействия правил игры. Как и в других разделах, автор статьи указывает на возможность появления радикальных ревизионистов, руководствующихся принципиально иной, чем конвенциональные игроки, системой ценностей, а потому действующих вне установленных норм.

В отличие от остальных разделов в данном случае А.В. Фененко ссылается на ряд работ типичных представителей рассматриваемого направления, включая Джона фон Неймана, Оскара Моргенштерна, Джона Нэша. Перечисленные авторы, безусловно, относятся к числу классиков рассматриваемой дисциплины. В то же время их труды были опубликованы в 1940-х – 1950-х годах. За прошедшие десятилетия сформировался обширный корпус научной литературы, связанной с приложением теории игр к исследованиям международных отношений, которая далеко ушла от первоначальных и, надо сказать, весьма грубых попыток формализации [Kydd 2015].

Теоретико-игровой анализ, позиционируемый в статье А.В. Фененко как первоисточник интереса к математизации в социальных науках, остаётся специфическим и достаточно ограниченным направлением, слабо связанным с тем, что в зарубежных публикациях обычно имеют в виду, когда говорят о количественных методах. Он предполагает построение дедуктивных моделей стратегического взаимодействия двух и более игроков, в ходе которого каждый стремится оптимизировать собственное поведение с учётом возможных реакций других участников.

Опора на теоретико-игровой анализ, действительно, связана с принятием множества допущений, которые существенно ограничивают возможность приложения получаемых выводов к реальным ситуациям. В частности, конструктивистская критика указывает на несостоятельность его опоры на тео-

рию рационального выбора, предполагающую, что предпочтения игроков, определённые до начала игры, остаются неизменными в её процессе. Между тем непосредственно с замечаниями А.В. Фененко в отношении этого способа осмысления международных ситуаций согласиться трудно. Под требованием наличия разделяемых правил игры совсем необязательно скрывается допущение, что игроки безропотно следуют международному праву, нормам морали или этике. Теория игр сама по себе не устанавливает никаких содержательных требований касательно правил, по которым они взаимодействуют. Возможности обмана, предательства и даже физического устранения соперника вполне могут быть заложены в используемую модель.

Традиционно вероятность насильственной экспансии и дефицит ограничений на реализацию агрессивных намерений в мировой политике увязываются с отсутствием верховного легитимного арбитра – ситуацией международной анархии [Waltz 1979]. Между тем анархия сама по себе представляет разновидность базового института, который порождает определённый набор ожиданий относительно поведения игроков. Отклонение от них возможно, но чревато издержками. Тем самым связанные с анархией социальные ожидания вполне соответствуют устоявшемуся определению социальной нормы. Более того, как показал Александр Вендт, естественное состояние войны «всех против всех» может быть само по себе высоко институционализировано [Wendt 1999]⁶.

Наконец, регулярные отсылки А.В. Фененко к возможности возникновения неограниченного ревизионизма должны рассматриваться в контексте мощной тенденции к социализации в международной политике⁷. То, что государства не всегда следуют отдельным нормам устоявшегося

⁶ См. также работу Ворда Томаса о высокой степени нормативного регламентирования организованного применения насилия в межгосударственных отношениях [Ward 2001].

⁷ На значение социализации в изменении поведения государств указывал ещё Кеннет Уолтц. В то же время эта тематика получила более широкое освещение в работах представителей конструктивистского направления, см.: [Wendt 1994; Flockhart 2006].

порядка, не означает в большинстве случаев, что они готовы отказаться от него полностью. Зачастую им есть что терять в случае полного развала существующих нормативных установлений. В результате разсформировавшиеся правила нередко оказываются весьма устойчивыми.

Более того, исторический опыт, на который ссылается сам А.В. Фененко, свидетельствует как раз о том, что влиятельные ревизионисты появляются нечасто [Фененко 2019], а большинство игроков предпочитает встраиваться в установленный порядок, потому что «плыть по течению» обычно проще, чем разрушать до основания и строить новый мир. Революционная Франция и гитлеровская Германия выступили исключениями из этой логики (так же, как и ныне существующие радикальные исламистские группировки, хотя их способность пошатнуть основания существующей политической системы мира значительно скромнее). Тем не менее невозможно ограничивать анализ международной политики только набором редких, экстремальных ситуаций, игнорируя широко распространённые, пусть и менее судьбоносные практики взаимодействия.

З

Возвращаясь к основному тезису статьи А.В. Фененко, необходимо указать, что выдвинутая им критика количественных методов грешит тремя фундаментальными ограничениями.

Во-первых, она стала продуктом смешения понятий. Обвинения сторонников количественных методов в ценностной предвзятости могут быть справедливы, но пристрастность исследователей не связана с природой инструментария, который они используют⁸. Попытки обосновать американскую, либеральную, западную гегемонию регулярно предпринимаются без ис-

пользования каких-либо количественных методов в исследованиях с обширным описанием исторической фактуры⁹.

Политическая ангажированность не имеет методологической привязки и широко распространена в публикациях, претендующих на научность в международных отношениях. Само по себе стремление к присвоению такого статуса идеологическим мифологемам отражает привилегированный характер этого типа дискурса по сравнению с другими. Стремление к усилению риторической убедительности утверждений признанием их в качестве научных повышает авторитет с учётом распространённых представлений о науке как об объективной и ориентированной на установление истины практике¹⁰.

В вопросах имитации научности западные практики мало отличаются от многих других, в том числе и от отечественных. Если и есть какие-то различия, то они связаны с более высоким порогом трудоёмкости для попадания в международные научные издания, обусловленным необходимостью освоения специфических методологических компетенций [Истомин, Байков 2015]. Иными словами, выработка наукообразной пропаганды требует приложения больших усилий, хотя она и не может быть исключена как таковая.

Проблема, которую затрагивает А.В. Фененко, связана также с интернализацией ценностных установок вплоть до неспособности подвергнуть их критическому осмыслению. Соответственно, речь может идти не только о сознательной пристрастности, но и о подспудных, неотрефлексированных искажениях в исследованиях. Эта проблема связана опять же не со спецификой метода, а с особенностями теоретической базы, на которую опираются специалисты, степенью её нормативной заданности. Выбор метода определяет то,

⁸ Среди работ, раскрывающих легитимирующий характер экспертных и исследовательских разработок, см.: [Войтоловский 2006; Цыганков, Цыганков 2007; Цыганков 2013].

⁹ В наиболее известных работах, открыто обосновывающих американскую гегемонию, количественные методы, как правило, не используются. См.: [Kagan 1998; Mandelbaum 2005; Ikenberry 2011; Nye 2015; Brooks, Wohlforth 2016].

¹⁰ О специфическом статусе научного дискурса см.: [Ish-Shalom 2013].

каким образом исследователь анализирует ситуацию. Однако он не сообщает нам, какие именно переменные должны быть включены в анализ [Хрусталёв 2008].

Во-вторых, статья А.В. Фененко, ориентируясь на неакадемические примеры построения индексов, сильно недооценивает методологическую сложность инструментария количественных исследований, используемого в зарубежных академических работах. В настоящее время они опираются на разнообразный аппарат эконометрического анализа, на многочисленные, объёмные базы данных, на развёрнутое обоснование использования тех, а не иных переменных (с обязательным введением контрольных показателей), а также на проверку полученных результатов на чувствительность к возможным ошибкам.

В результате научные статьи с использованием количественных методов обрастают обширными приложениями, объём которых может на порядок превышать собственно саму публикацию. Подобная практика также может представлять проблему — высокая транспарентность не означает проверяемость. Зачастую верификация полученных выводов связана с трудовыми и временными затратами, сопоставимыми с теми, которые были необходимы для проведения оригинального исследования¹¹.

Критика справедлива в том смысле, что расчёт на внедрение математического аппарата как на магический способ получения интересных исследовательских результатов с минимальными усилиями ошибочен. Подбор корректных показателей, которые могут быть представлены в количественной форме и при этом представляются содержательно значимыми, крайне сложен и не

всегда может быть осуществлён на практике. Несмотря на растущее число баз данных, доступных специалистам, исследователи нередко вынуждены прибегать к сложным и весьма оригинальным способам квантификации трудных для выделения свойств изучаемых объектов¹². Выбор модели, описывающей данные, также требует глубокого понимания анализируемых процессов.

Ряд авторитетных зарубежных теоретиков в этой связи отмечают, что методоцентризм современной западной науки о международных отношениях в ряде случаев приводит к искажённой логике постановки исследовательских задач [Mearsheimer, Walt 2013]. Молодые специалисты с учётом потребности в скорейшем самоутверждении в дисциплине сталкиваются с соблазном разрабатывать не темы, существенные с точки зрения развития науки, а темы, по которым имеются готовые базы данных и в которых легче установить статистически значимые корреляции. Более того, растущее внимание к тестированию значимости отдельных параметров, объясняющих те или иные типы международных взаимодействий, происходит без попытки объяснить значение рассматриваемых переменных в рамках более широких теоретических конструкций.

Таким образом, увлечение количественными методами действительно связано с рисками для развития исследований международных отношений, но совсем не с теми, которые стремится обосновать А.В. Фененко. Более того, указанные проблемы сами по себе не являются непреодолимыми, а стремление к научной строгости необязательно противоречит постановке продуктивных научных задач. В этом смысле исследовательское сообщество способно к самокоррекции.

¹¹ Например, объём опубликованной в 2017 г. статьи, посвящённой перспективам сохранения и получения международного признания де-факто государствами, составил 15 полос журнала (см.: [Florea 2017]). Материал сопровождался двумя приложениями общим объёмом 228 страниц. Оно включало описание всех использованных переменных, данные по каждому из 34 выявленных случаев, которые можно отнести к де-факто государствам, а также проверку робастности статистических выводов.

¹² Например, в одной из недавних работ вероятности втягивания государства в вооружённые конфликты перед исследователем встал вопрос дифференциации государств с различным уровнем национализма. Для формирования выборки двух групп государств, сопоставимых по всем параметрам, кроме интересующей качественной характеристики, использовались результаты отборочных турниров к чемпионатам мира по футболу (см.: [Bertoli 2017]).

В-третьих, утверждения о «культе» количественных методов непосредственно в отечественной практике не имеют под собой основания. Как показал Д.А. Дегтерёв, в российских публикациях по международно-политической тематике они остаются исключительно маргинальным явлением [Дегтерёв 2015: 35]. Наоборот, во многих случаях присутствует активное отторжение внедрения эконометрического анализа или любых других способов исследования, основанных на использовании математического аппарата. Таким образом, А.В. Фененко призывает бороться с практически несуществующим явлением.

Скептическое отношение к количественным методам не является исключительно российской особенностью. Оно характерно и для ряда других европейских исследовательских школ [Waever 1998], в частности для британской и французской науки по международным отношениям. Вместе с тем оно сильно выделяет отечественных специалистов-международников на фоне их российских коллег из других дисциплин. Парадокс сложившегося положения в том, что математическая подготовка по-прежнему считается сильной стороной отечественной науки в целом, в значительной степени обеспечивающей её конкурентоспособность на мировой арене¹³. В то же время в большинстве отечественных образовательных программ по международным отношениям выработке соответствующих компетенций времени практически не уделяется. Такое игнорирование может объясняться фокусированием на

традиционных компонентах дипломатической подготовки, *которое получило закрепление в учебном процессе ещё в советское время, — приобретением обучающимися языковых и исторических знаний, акцентом на страноведении и регионоведении при в целом скептическом отношении к широким генерализациям* [Алексеева, Дегтерёв 2017].

Между тем на фоне наращивания использования математического аппарата в зарубежных исследованиях и даже прикладных аналитических разработках большее внимание к освоению соответствующих компетенций необходимо хотя бы для того, чтобы критически оценивать и обсуждать публикуемые работы западных коллег. Для этого требуется расширение по крайней мере базовых представлений о возможном значении и инструментарии количественных исследований.

4

В отечественных дискуссиях под использованием количественных методов нередко понимается включение в анализ любых числовых данных. Особенно если сведения организованы в виде таблицы или графика. Подобного рода расширительное понимание отчасти обусловлено тем, что дальше такого «применения математики» в большинстве случаев дело не идёт [Алексеева, Дегтерёв 2017]¹⁴. При этом хотя количественные данные действительно задействованы, их анализ осуществляется зачастую вполне традиционными способами логического сопоставления — никакой специфический метод на деле не используется¹⁵.

¹³ Корягин В. «Чтобы сохранить уровень науки, нужно не идти, а бежать». Газета.ру. 27.04.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/science/2015/04/27_a_6638965.shtml (дата обращения: 23.11.2019).

¹⁴ Задачи, типы и способы осуществления количественных исследований применительно к проблематике международных отношений комплексно освещаются в специализированном учебном пособии [Дегтерёв 2016]. Представленный в настоящем разделе разбор призван лишь дать общее понимание с точки зрения поставленной в статье задачи оценки современного состояния использования научных методов в принципе.

¹⁵ Это подчёркивает необходимость разделения данных и метода. В зависимости от применимой к ним шкалы измерения различные типы данных допускают, но не предписывают использование большего или меньшего числа математических операций. Даже если выраженность свойств изучаемого объекта позволяет разместить полученные сведения на шкале отношений, отнюдь не обязательно к ним применять весь доступный аппарат. В то же время доступность данных может ограничивать использование некоторых методов.

Наиболее часто встречающиеся методы, предполагающие использование математического инструментария для решения аналитических задач в зарубежных международно-политических исследованиях, можно разделить на четыре большие группы:

1. дескриптивный статистический анализ;
2. корреляционный и регрессионный анализ;
3. сетевой анализ;
4. формальное моделирование.

Дескриптивные инструменты работы со статистическими данными предполагают выявление обобщённых характеристик собранного массива данных, которые могут быть неочевидны или непроверяемы при интуитивном оценивании. Они могут включать в себя особенности распределения наблюдений, среднее и медианное значения совокупности, такие параметры, как дисперсия и стандартное отклонение. Все эти показатели обеспечивают лучшее описание явлений, столь часто повторяющихся, масштабных и сложных, что требуется множество наблюдений для выявления их характерных особенностей. Такого рода объекты исследования не могут быть корректно охвачены без использования математического аппарата ввиду ограниченной способности человеческого мышления по запоминанию и обработке информации [Baddeley 2012].

К дескриптивным инструментам также может быть отнесено выявление линии тренда на графике. Такого рода приём выступает значимым компонентом ивент-анализа. Последний предполагает сбор и систематизацию данных по однотипным событиям, распределённым во времени [Боришполец 2010]. Составленный массив может в дальнейшем использоваться для последующих математических преобразований, а также для представления в графической форме.

Дескриптивные статистические методики работают с отдельным рядом данных (однотипным массивом), помогая его описать. Более сложная задача связана с выявлением зависимостей между несколькими переменными, для определения которых используются различные варианты корреляционного и регрессионного анализа.

Возвращаясь к вопросу, поднятому в статье А.В. Фененко относительно того, что определяет мощь государств. Именно оценка выраженности зависимостей и степени значимости переменных выступает предметом корреляционного и регрессионного анализа. В этой связи, если у нас есть достаточно репрезентативный набор данных о вооружённых конфликтах на протяжении истории, мы можем установить, насколько часто их исход определялся соотношением размеров территории и численности населения участников. При этом корреляционный и регрессионный анализ априори отнюдь не предполагают, что такая зависимость существует. Результатом исследования может стать выявление отсутствия статистически значимой взаимосвязи¹⁶.

Обращение к статистическим методикам объясняется вероятностным характером закономерностей в социальных взаимодействиях, и в том числе в международных отношениях. Именно в связи с тем, что имеются примеры и того, как крупные страны побеждали малых и как малые выигрывали у больших, нас может интересовать наличие или отсутствие сравнительно устойчивой зависимости между размером страны и результатом взаимодействия. Иными словами, встаёт вопрос: является ли победа более крупной страны скорее ожидаемым результатом, скорее исключением (нельзя забывать, что зависимость может быть и обратной), или эта характеристика вообще не играет никакой роли в условиях конфликта?

¹⁶ Подобная попытка была предпринята американским исследователем Стивеном Биддлом применительно к объяснению исхода военных операций (а не войн в целом) в период с начала XX века. Его исследование показывает, что ни материальный, ни технологический перевес не способны дать решающего преимущества в конвенциональных конфликтах. Наиболее значимым параметром, определяющим успех на поле боя, остаётся усвоение набора специфических организационных практик, которые он обозначает как «современная система» использования войск [Biddle 2004].

При этом корреляционный анализ остаётся более грубым инструментом, позволяющим лишь установить направленность (прямая или обратная) и степень выраженности (сильная или слабая) зависимости между двумя рядами данных. Различные инструменты регрессионного анализа помогают определить, в какой степени получаемый результат связан с множеством различных переменных и насколько на него влияют изменения в каждой из них¹⁷. С учётом больших функциональных возможностей различные виды регрессий получили крайне широкое распространение в зарубежных исследованиях международных отношений. Зачастую представление об использовании количественных методов связано непосредственно с ними.

Противоположностью регрессионных моделей выступает сетевой анализ. Первые стремятся изолировать влияние отдельных переменных и оценить значение каждой из них. Сетевой анализ фокусируется на связях между элементами, пытаясь дать им математическое выражение. Он позволяет оценивать значимость субъектов изучаемых отношений (узлов сети) в зависимости от их позиции в структуре взаимодействия. При этом их внутренние свойства выводятся за рамки анализа.

В рамках сетевого анализа проводится количественная оценка различных показателей центральности отдельных узлов сети (таких, как центральность по степени, посредничеству, близости, собственному вектору). Кроме того, он позволяет выделять клики в рамках более широких сообществ взаимодействия, определять степень их сбалансированности и гомогенности, вы-

являть уровень структурной эквивалентности двух и более сетей. Интерес ко всем этим показателям у исследователей-международников сформировался сравнительно недавно, и рост применения сетевого анализа наблюдается с конца 2000-х годов [Hafner-Burton, Kahler, Montgomery 2009; Maoz 2010; Дергетёв 2015].

В свою очередь, под формальным моделированием понимается, как правило, теоретико-игровой анализ, который освещался в предшествующем разделе. В дополнение к выделенным особенностям этого инструментария стоит отметить, что он вообще не предполагает необходимость использования числовых данных. Дедуктивные модели, отражающие логику стратегического взаимодействия, могут разрабатываться в отсутствие сведений о конкретной ситуации.

Хотя, как правило, они проверяются на доступных или синтезируемых данных, строго говоря, формальное моделирование не относится к группе количественных методов. В зарубежных исследованиях частотности обращения к различным способам проведения исследований они выделяются в отдельную категорию. Исходя из числа специалистов, использующих их в работе, формальные модели существенно менее распространены, чем регрессионный и традиционный исторический анализ¹⁸.

В западном исследовательском сообществе, в отличие от отечественного, в самом деле прослеживался культ количественных методов. Вторые «великие дебаты» в исследовании международных отношений в 1960-х годах разворачивались как раз вокруг вопроса о предпочтительных способах

¹⁷ О различиях между корреляционным и регрессионным анализом см.: [Pollock III 2012: 182–206].

¹⁸ Авторитетный опрос специалистов по международным отношениям «Преподавание, исследования и международная политика» 2014 г. показал, что в США качественные методы анализа в качестве основных в своей работе использовали более 58% участников, количественные (понимаемые как статистические) — около 25%. Доля формальных моделей едва превысила 1,5%. По всем странам, участвовавшим в опросе, разрыв ещё больше: качественные методы — более 60%, количественные — менее 15%, формальное моделирование — около 1%. Как дополнительный метод наряду с основным формальные модели использовали ещё порядка 5,5% исследователей. См.: Maliniak D., Peterson S., Powers R., Tierney M.J. TRIP 2014 Faculty Survey. 2014. Williamsburg, VA: Institute for the Theory and Practice of International Relations. [Электронный ресурс]. URL: <https://trip.wm.edu/> (дата обращения: 23.11.2019).

проведения исследований [Bull 1966]. Уже в 1990-х годах авторитетная работа по методологии Гари Кинга, Роберта Кохейна и Сидни Вербы предполагала распространение на качественные исследования логики, лежащей в основе количественных методов [King, Keohane, Verba 1994].

Тем не менее к середине 2000-х такие попытки методологической экспансии в значительной степени прекратились. Утвердилось разделение труда между различными подходами к осуществлению анализа, обусловленное конкурентными преимуществами различных исследовательских приёмов [George, Bennett 2005: 17–35]. Вне зависимости от специфики конкретных способов любые методы в изучении международных отношений (и шире — общественных наук) решают одну общую главную задачу: как на основе неполного числа примеров установить закономерности, которые могут быть распространены на более широкую совокупность случаев. Неполнота эмпирических данных имеет принципиальный и неустранимый характер в том числе потому, что мы, как правило, стремимся сформулировать обоснованные предшествующим опытом предположения о будущем, которое не даёт нам фактический материал для анализа.

Количественные методы позволяют сравнить по ограниченному набору заранее выделенных параметров большое число однотипных случаев, каждый из которых предстаёт в качестве единичного наблюдения (в этой связи они также получили обозначение “large-N studies”). Это обосновывает их применение к тем задачам, которые не могут быть решены на основе изучения отдельного события или даже ограниченного набора примеров¹⁹. Количественные методы применяются для подтверждения или опровержения теоретических гипотез о наличии эмпирически прослеживаемой

закономерности. Они также помогают оценить сравнительную значимость зависимостей между различными переменными. При этом в отсутствие доступа к экспериментальным данным количественные методы не дают ответа относительно причинно-следственных связей.

Последняя задача в большинстве случаев может быть решена только на основе применения качественных методов. Они предполагают многомерный анализ отдельного случая или небольшого множества сопоставимых исторических примеров с учётом максимального числа возможных параметров. При этом качественные исследования во многих случаях предполагают отслеживание как можно большего числа промежуточных звеньев, связывающих независимую переменную (предполагаемую причину) с объясняемой (предполагаемым следствием).

Такого рода анализ также используется для изучения девиантных случаев, в которых ожидаемые закономерности не реализуются. Он направлен на выявление дополнительных объяснительных переменных или каузальных механизмов, которые не учитывались в предшествующих разработках. Качественные исследования также помогают провести предварительную проверку теоретических гипотез перед их более систематическим тестированием с применением количественных методов — если предполагаемая закономерность не соблюдается в тех случаях, в которых есть все основания ожидать её проявления, проведение более масштабной работы по составлению длинных рядов данных оказывается нецелесообразной.

Формирование представлений о функциональном взаимодополнении количественных и качественных методов приводит к появлению растущего числа научных работ, построенных на их совмещении²⁰.

¹⁹ В психологии склонность индивидов делать некорректные обобщения на основе недостаточной выборки получила обозначение «закона малых чисел» (см.: [Tversky, Kahneman 1971]).

²⁰ Интерес к такого рода практикам выразился, в частности, в публикации влиятельным издательством «Оксфорд юниверсити пресс» специализированного, обширного пособия по совмещению различных методов в исследованиях: [Oxford handbook of multimethod and mixed methods research inquiry 2015].

Практика ведущих зарубежных изданий по международным отношениям (таких, как *International Security* и *Journal of Conflict Resolution*) свидетельствует, что отчуждённость между различными методологическими субкультурами исследователей сохраняется [Истомин, Байков 2015]. Тем не менее разрыв между ними существенно уменьшился.

Что же даёт использование количественных методов с точки зрения прикладных аналитических разработок? В первую очередь, в контексте потребностей практико-ориентированного прогнозирования? Последнее, как правило, ориентировано на определение перспектив развития отдельной ситуации, а не на выявление «средней температуры по больнице» в ряде схожих случаев. В то же время и опора на исторический опыт путём прямой экстраполяции прошлого также не представляется надёжным способом прогнозирования²¹.

Анализ больших рядов данных позволяет оценить вероятность реализации различных альтернатив при соблюдении набора ограничивающих условий. Подобный результат не даёт однозначного ответа в отношении конкретного случая, но обосновывает распределение ожиданий относительно возможных сценариев. Его можно использовать в качестве референтного показателя (базовой линии прогноза) для сопоставления с оценками специалиста, способного учесть специфику конкретной ситуации. Проведённые многолетние исследования свидетельствуют, что эксперты в интуитивных прогнозах склонны ошибаться, переоценивая вероятность радикальных сдвигов в развитии событий [Tetlock 2005].

Согласованное использование базовых сценариев, основанных на выявленных в отношении однотипных случаев закономерностях, и экспертных оценок конкретной ситуации позволяет точнее определить

поле обоснованных ожиданий относительно анализируемого сюжета. Подобная «прогнозная триангуляция» не всегда возможна исходя из временных соображений, необязательно позволит полностью преодолеть неопределённость будущего и не может гарантировать отсутствие ошибок. Тем не менее она способна повысить качество прикладных разработок за счёт комбинации различных типов анализа и, тем самым, маскировки слабых мест каждого из них.

5

Влияние модернистов в зарубежных исследованиях международных отношений не сводилось только к внедрению количественных методов. Последние длительное время занимали ограниченную нишу в социальных науках и до сих пор не стали доминирующими в изучении международных отношений даже в Соединённых Штатах. Гораздо важнее, что они побудили к перестройке всей дисциплины в сторону большей методологической дисциплинированности.

В частности, благодаря им стало возможным говорить о качественных методиках анализа, предполагающих не просто использование богатого исторического материала, а его структурирование с целью обоснования выдвигаемых исследователями утверждений. Критика модернистов показала, что в работах, которые опираются на анализ одной или даже нескольких ситуаций, существенно возрастают требования к подборке репрезентативного эмпирического материала.

В этой связи в зарубежных исследованиях была выстроена типология наиболее продуктивных дизайнов качественного исследования с учётом многообразия возможных исследовательских задач²². В том числе были проработаны способы подборки случаев для обоснования дескриптив-

²¹ На ограничения исторического мышления для решения задач прогнозирования и принятия решений указывали ещё [Neustadt, May 1986].

²² Далее основные подходы к проведению качественных исследований приводятся на основе [George, Bennett 2005; Gerring 2006; Levy 2008].

ных утверждений, предполагающие выделение либо одного наиболее типичного примера изучаемого феномена, либо ряда ситуаций, демонстрирующих разнообразие его проявлений.

Ещё более широкий набор дизайнов исследований применим при решении объяснительных задач. В частности, экстремальные случаи, в которых анализируемый феномен получает наиболее последовательную и ярко выраженную реализацию, могут быть полезны для фиксирования его свойств. Изучение исходного случая, отражающего первый зафиксированный пример проявления исследуемого феномена, помогает проследить его истоки. Уже упоминавшиеся девиантные ситуации рассматриваются на предмет выявления новых свойств или каузальных механизмов.

Изучение случаев, в которых максимально благоприятные предпосылки для реализации ожидаемой закономерности не сопровождаются достижением предполагаемого результата, позволяет подвергнуть серьёзному сомнению выдвинутую гипотезу. Наоборот, ситуации, в которых существуют значимые препятствия для проявления зависимости, но она выявляется, используются для подтверждения теоретических предположений. Относительно редкими оказываются так называемые критические случаи, на материале которых возможно как опровержение, так и верификация гипотезы.

Наряду с исследовательскими дизайнами, предполагающими рассмотрение отдельной ситуации, разрабатываются и методические указания по проведению исследований, предполагающих сопоставление нескольких случаев. В их основу зачастую кладётся логика фокусированного структурированного сравнения, предложенная Александром Джорджем [George 2019]. В соответствии с ней первый этап исследования связан с выработкой общих критериев, по которым проводится анализ всех случаев. После этого производится систе-

матическая, параллельная оценка каждого из них по всем выбранным параметрам. Такой анализ дисциплинирует исследователя и обеспечивает сопоставимость рассматриваемых ситуаций, но в то же время сопровождается меньшей формализацией и большей гибкостью в отличие от количественных исследований.

Отбор сравниваемых случаев для обеспечения максимальной доказательности может следовать одному из двух принципов. В работах, построенных на основе рассмотрения наименее похожих примеров, подбираются ситуации, различающиеся по максимальному числу критериев (экономических, социальных, культурных, географических, исторических), кроме одного единственного параметра. Если результат взаимодействия оказывается одинаковым во всех наблюдаемых случаях, можно утверждать с высокой степенью достоверности, что он был обусловлен этой общей характеристикой. Наоборот, в работах, рассматривающих наиболее похожие примеры, подбираются ситуации друг другу подобные во всём, кроме одного параметра. Если итоговый результат различается, значит, именно он играет ключевую объяснительную роль²³.

Отдельную категорию сравнительных исследований составляют сопоставления наблюдений в отношении одного и того же субъекта или системы взаимодействий в различные моменты времени. Тем самым обеспечивается контроль многих не поддающихся фиксированию параметров, которые остаются неизменными (что сложно обеспечить при изучении опыта различных государств). Например, такого рода кросс-темпоральные сравнения снижают проблему культурных различий при проведении сопоставительного анализа.

Более экстравагантными и редкими остаются дизайны, построенные на анализе контрфактуальных ситуаций, в рамках которых реальные случаи сопоставляются с гипотетическими аналогами. Фактически

²³ Об особенностях анализа наиболее похожих и наиболее непохожих случаев см.: [Faure 1994; Anckar 2008].

они предполагают проведение квазиэкспериментальных исследований, преодолевая врождённое ограничение исследований международных отношений — неспособность манипулировать получаемыми данными. Несмотря на скептическое отношение значительной части исследовательского сообщества относительно перспективности подобных попыток, к такого рода интеллектуальным экспериментам обращается всё более широкий круг ведущих представителей дисциплины, отмечая их возможный вклад в обоснование причинно-следственных связей [Fearon 1991; Counterfactual thought experiments in world politics 1996; Explaining war and peace 2007; Lebow 2010].

Таким образом, максимизация доказательности эмпирических исследований требует, чтобы анализируемые случаи подбирались не волюнтаристским образом и не только исходя из доступности фактологического материала, а на основе чётких методологических критериев. Тем самым обеспечивается возможность обоснования получаемых выводов не за счёт изучения обширных рядов данных (как в случае количественных методов), а на основе глубокого анализа наименьшего приемлемого числа наиболее убедительных примеров.

Развитие структурированных подходов к проведению качественных исследований не привело к исчезновению работ, в основе которых лежит традиционный нарративный подход к освещению исторического процесса. Тем не менее роль последних в западной научной практике снижается на фоне стремления к получению полезных обобщений относительно закономерностей протекания международных взаимодействий и повышения требований к доказательной базе выдвигаемых утверждений. В этих условиях фундаментальные работы историков, опирающиеся на обширную источниковую базу, часто выступают в качестве исходного материала для построения

эмпирически обосновываемых генерализаций специалистов-международников²⁴.

Кодификация подходов к проведению качественных исследований в зарубежной практике свидетельствует, что никакого традиционного «сравнительно-исторического» метода, о котором пишет А.В. Фененко, в действительности не существует. Имеется множество различных способов отбора и организации эмпирического материала, предоставляемого историей международных взаимодействий. Каждый из них имеет своё функциональное предназначение и свои слабости. В этой связи большая формализация исследовательского процесса действительно не всегда продуктивна. В дополнение к структурированным способам работы с историческими сюжетами появляются более гибкие варианты исследования, в первую очередь в рамках этнографического, герменевтического подходов [Vrasti 2008]. Тем не менее они также предполагают свои правила проведения анализа, а значит, свои методологические требования.

6

В отличие от зарубежного академического сообщества отечественная школа международных отношений ещё не пережила своих «вторых великих дебатов»²⁵. В то время как различия в теоретических подходах и идейных установках стали предметом ярких и аргументированных дискуссий российских исследователей [Богатуров 2004; Цыганков, Цыганков 2005; Цыганков П.А. 2013; Алексеева, Лебедева 2016; Цыганков, Цыганков 2017], вопросы того, как проводятся исследования и чем обосновываются полученные результаты, остаются зачастую неотрефлексированными.

Подобный пробел эксплицитным образом проявляется в разделах, освещающих теоретико-методологические основания защищаемых по международным отношениям диссертаций. Он отражается и на

²⁴ Подобная практика не лишена недостатков и подвергается критике в самом западном исследовательском сообществе (см., например: [Buzan, Lawson 2015: 232–233]).

²⁵ Об этом, в частности, писал И.Н. Тимофеев ещё в 2010 году (см.: [Тимофеев 2010]).

среднем качестве исследовательских публикаций. Значительная (если не большая) часть российских статей по международным отношениям, размещаемых в научных журналах, относится к одному из четырёх основных типов, каждый из которых вскрывает изъяны методологической подготовки.

Во-первых, существенное место занимают аналитические обзоры зарубежных (преимущественно западных) исследований, традиция которых восходит ещё к советскому периоду [Современные буржуазные теории международных отношений 1976]. Несмотря на очевидную полезность такого типа библиографических работ, они не способны заменить самостоятельные исследования, направленные на осмысление собственно международной среды. Заключение о современном состоянии умов, размышляющих над закономерностями международной политики, не могут подменять собственно авторские работы, выдвигающие новаторские концепции. «Парадигма освоения», о преодолении которой А.Д. Богатуров писал ещё два десятилетия назад [Богатуров 2000], продолжает довлеть над отечественным сообществом специалистов-международников.

Во-вторых, широкое распространение приобрели пространные эссе, претендующие на выявление новых явлений или трендов в развитии международных отношений. В то же время подобные попытки генерализации, как правило, не сопровождаются систематическим эмпирическим обоснованием выдвигаемых утверждений по образцу методологических подходов, изложенных в предыдущих разделах. Более того, нередко отсутствует и достаточная операционализация понятий, которая позволила бы проверить их в принципе. Таким образом, читателю во многих случаях приходится принимать на веру суждения автора или довольствоваться несколькими примерами, иллюстрирующими его мысль. Вопрос о репрезентативности выбираемых случаев остаётся без ответа.

В-третьих, имеются чисто эмпирические работы, освещающие обширный фак-

тологический материал по какой-то отдельной ситуации, событию или явлению. Во многом они представляют собой разновидность исследований, прямо противоположную публикациям второго типа, так как не содержат попыток проблематизации материала или выхода на обобщения по итогам анализа. В результате они напоминают разновидность развёрнутых информационных справок, а не полноценные исследовательские статьи.

В-четвёртых, распространённым жанром в журналах, позиционирующих себя как научные, занимают работы, делающие акцент не столько на осмыслении международных отношений, сколько на выдвижении предложений (различной степени практичности) касательно российского внешнеполитического курса. При этом стремление к прикладной реализуемости рекомендаций подавляет собственно исследовательскую часть. Последняя в лучшем случае сводится к констатации ряда проблем, стоящих перед отечественной внешней политикой, которая выступает в качестве вводной части к предложениям.

Было бы неверно утверждать, что в отечественной практике отсутствуют примеры исследовательских статей, в которых соединяются чёткое позиционирование анализа в существующем литературном контексте и обоснование научной новизны; оригинальные утверждения об изучаемых международных явлениях или процессах, содержащие элемент научного обобщения; систематическое обоснование получаемых выводов на основании разработанных методологических критериев. Впрочем, такого рода работы составляют далеко не большинство в российских изданиях.

Смежной проблемой, которая также препятствует постановке российских исследований на более солидное методологическое основание, выступает тотальное доминирование дескриптивных работ [Торкунов 2018]. Отечественные специалисты по-прежнему *en masse* ориентированы на описание того, что происходит, а не на систематическое осмысление механизмов, обуславливающих динамику наблюдаемых

событий. Между тем в зарубежной науке преобладают исследования, ставящие объяснительные или интерпретативные задачи. Первые прослеживаются в работах позитивистов и отвечают на вопрос: почему имеют место те или иные явления? Вторые характерны для различных ответвлений конструктивизма и критической теории. Они в большей степени заинтересованы в вопросе: что делает какое-то явление или процесс возможным (или, иными словами, как оно взаимосвязано с другими явлениями, с контекстом)?

Разница между объяснением и интерпретацией в данном случае пролегает в логическом предшествовании. Вопрос «почему» предполагает, что причина хронологически и аналитически возникает до следствия. Интерпретативисты концентрируются на тех случаях, когда подобное разделение оказывается невозможным и различные явления со-конструируют друг друга в процессе взаимодействия. В то же время их исследования не сводятся к чистой дескрипции, так как они раскрывают подспудную логику взаимосвязей явлений, а не пытаются только описать наблюдаемое [Wendt 1999: 85–87].

Вне зависимости от выделяемых различий и позитивистский, и интерпретативистский подходы нуждаются в методах, позволяющих проникнуть за толщу непосредственных событий, рассмотреть одни явления во взаимосвязи с другими. Между тем решение дескриптивной задачи может связываться с отражением рассматриваемого явления во всей его полноте и комплексности. В связи с этим у исследователя может возникнуть расчёт на отсутствие потребности в серьёзной разработке методологических оснований работы.

Увы, подобные убеждения построены на самообмане. Изложение эмпирического материала никогда не может быть всеобъемлющим и самодостаточным. Исследователь в любом случае вынужден отделять значимое с точки зрения анализируемого сюжета от второстепенного. Работа по систематизации фактологии требует выработки чётких критериев демаркации. В оте-

чественных исследованиях они зачастую остаются неотрефлексированными.

* * *

Разобранные контраргументы к доводам А.В. Фененко, разумеется, не имели в виду дискредитацию качественных методов. Не ставили они своей целью и превознесение методов количественных. Качественные методы, приоритет которых перед методами количественными отстаивают представители историко-аналитического сегмента российской науки о международных отношениях, вовсе не обязательно дают менее стабильные результаты или в меньшей степени способны вести к приращению достоверного знания о предмете.

Сторонники их использования часто ссылаются на то, что они лучше подходят для изучения предмета исследования — человеческого общества, характеризующегося наличием фактора автономии воли социальных субъектов. Противники же указывают на когнитивные искажения и субъективизм при проектировании исследования и интерпретации его результатов.

На наш взгляд, эти аргументы вторичны. Когнитивные искажения и смещения способны влиять и влияя на результаты исследований обоих типов. Нередки случаи формальной подгонки модели под имеющийся статистический материал [Lauretig, Braumoeler 2018]. Не всегда годятся количественные методы для интерпретации выявленных причинно-следственных связей. Отсутствие изначально верно выбранных стартовых условий проведения количественного исследования без предварительной качественной оценки может привести к получению ложных зависимостей [King et al. 2000]. Ещё менее бесспорны достижения количественной методологии в прогнозировании, поскольку построение эффективной прогнозной модели требует наличия рядов сопоставимых и точных данных такой длительности, которая для многих ситуаций и конкретных описываемых параметров моделируемой ситуации попросту отсутствует [Achen 2005; Braumoeller, Sartori 2004].

Вместе с тем крайне низкой остаётся и оснащённость качественных исследований в науке о международных отношениях, особенно в России. Практически не преподаются и не используются современные технологии качественного исследования. Перспективные возможности сопряжения количественных и качественных методов практически не популяризируются в научной печати.

Таким образом, главным методологическим вызовом российской школе международных исследований выступает не воображаемое засилье количественных методов и не их отсутствие, а недостаток рефлексии по поводу способов осуществления исследований вообще. Не менее важно «разру-

бить» те почти окостеневшие онтолого-методологические связи, закрепляющие размежевание и фрагментацию научного сообщества политологов-международников и мешающие их продуктивной коммуникации, препятствующие складыванию общедисциплинарного проблемного поля и разделяемых моделей постановки и решения исследовательских задач. Разрешение этой задачи потребует, помимо прочего, и системной перестройки соответствующих программ профессиональной подготовки. Убеждены, что публикация яркого, полемического высказывания А.В. Фененко по этому вопросу будет способствовать привлечению более пристального внимания к этой проблеме.

Список литературы

- Алексеева Т.А., Дегтерёв Д.А. Международные отношения: спор о науке и методе // Вестник Российской академии наук. 2017. Т. 87. № 9. С. 848–857.
- Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Polis: Journal of Political Studies. 2016. № 1. С. 29–43.
- Байков А.А. «Золотой стандарт» подготовки международного и эффективность внешней политики // Вестник МГИМО-Университета. 2016. №1. С. 70–83.
- Богатуров А.Д. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 4. С. 16–33.
- Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 195–201.
- Боришполец К.П. Методы политических исследований. М., 2010. 230 с.
- Войтовский Ф.Г. «Производство» интеллектуального пространства мировой политики // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 2. С. 100–111.
- Гаман-Голутвина О.В. Преодолевая методологические различия: споры о познании в эпоху неопределённости // Polis: Journal of Political Studies. 2019. № 5. С. 19–42.
- Дегтерёв Д.А. Количественные методы в международных исследованиях // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 2. С. 35.
- Дегтерёв Д.А. Прикладной количественный анализ и моделирование международных отношений: Учебник. М.: РУДН, 2016. 556 с.
- Дегтерёв Д.А. Сетевой анализ международных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 4.
- Истомин И.А., Байков А.А. Сравнительные особенности отечественных и зарубежных научных журналов // Международные процессы. 2015. Т. 13. № 2. С. 114–140.
- Сергеев В.М., Казанцев А.А., Медведева С.М. Кризис конструктивизма и методологические проблемы изучения международных отношений // Polis: Journal of Political Studies. 2019. № 5. С. 56–70.
- Современные буржуазные теории международных отношений: критический анализ. М.: Наука, 1976.
- Тимофеев И.Н. Формализованные методы исследования в политологии и сравнительной политике: перспективы политологической школы МГИМО // Сравнительная политика. 2010. № 1. С. 121–129.
- Торкунов А.В. Вызовы социогуманитарной науке в России // Polis: Journal of Political Studies. 2018. № 5. С. 8–16.
- Торкунов А.В. Международные отношения: хаос или плюрализм // Polis: Journal of Political Studies. 2019. № 5. С. 7–18.
- Фененко А.В. Почему в Америке не любят публиковать российских авторов? // Международные процессы. 2016. Т. 14. № 1. С. 172–180.
- Фененко А.В. Статистика против истории // Международные процессы. 2018. № 3. С. 56–83.

- Хрусталёв М.А. Анализ международных ситуаций и политическая экспертиза: очерки теории и методологии. 2008. 231 с.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А. Просвещённое державничество (А.Д. Богатуров и российская теория международных отношений) // *Polis: Journal of Political Studies*. 2017. № 4. С. 175–185.
- Цыганков А.П., Цыганков П.А. Социология международных отношений. М.: Аспект Пресс, 2007. 237 с.
- Цыганков П.А., Цыганков А.П. Между западничеством и национализмом: российский либерализм и международные отношения // *Вопросы философии*. 2005. № 1. С. 3–18.
- Цыганков П.А. «Международные отношения и мировая политика»: консолидация учебно-научной дисциплины? // *Международные процессы*. 2013. Т. 11. № 34. С. 6–20.
- Achen Christopher H. Let's Put Garbage-Can Regressions and Garbage-Can Probabilities Where They Belong // *Conflict Management and Peace Science*. 2005. Vol. 22 No. 4. P. 327–333.
- Anckar C. On the applicability of the most similar systems design and the most different systems design in comparative research // *International Journal of Social Research Methodology*. 2008. Vol. 11. No. 5. P. 389–401.
- Baddeley A. Working memory: theories, models, and controversies // *Annual review of psychology*. 2012. Vol. 63. P. 1–29.
- Beckley M. The Power of Nations: Measuring What Matters // *International Security*. 2018. Vol. 43. No. 2. P. 7–44.
- Bertoli A.D. Nationalism and conflict: Lessons from international sports // *International Studies Quarterly*. 2017. Vol. 61. No. 4. P. 835–849.
- Biddle S.D. Military power: Explaining victory and defeat in modern battle. Princeton: Princeton University Press, 2004. 337 p.
- Braumoeller Bear F. and Anne E. Sartori. The Promise and Per-ils of Statistics in International Relations / Models, Numbers, and Cases: Methods for Studying International Relations // Ed. Detlef F. Sprinz and Yael Volinsky-Nahmias. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2004. P. 129–151.
- Brooks S.G., Wohlfarth W.C. America Abroad: The United States' Global Role in the 21st Century. Oxford University Press, 2016.
- Bull H. International theory: The case for a classical approach // *World politics*. 1966. Vol. 18. No. 3. P. 361–377.
- Buzan B., Lawson G. The global transformation: history, modernity and the making of international relations. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 232–233.
- Counterfactual thought experiments in world politics: Logical, methodological, and psychological perspectives / ed. by P.E. Tetlock, A. Belkin. Princeton: Princeton University Press, 1996. 344 p.
- Explaining war and peace: case studies and necessary condition counterfactuals / ed. by J. Levy, G. Goertz. Oxon: Routledge, 2007. 346 p.
- Farrel H., Finnemore M. Ontology, methodology and causation in the American school of international political economy // *Review of International Political Economy*. Vol.16 No. 1. February 2009. P. 58–71.
- Faure A.M. Some methodological problems in comparative politics // *Journal of Theoretical Politics*. 1994. Vol. 6. No. 3. P. 307–322.
- Fearon J.D. Counterfactuals and hypothesis testing in political science // *World politics*. 1991. Vol. 43. No. 2. P. 169–195.
- Fenenko A. "Long Peace" and Nuclear Weapons // *Russia in Global Affairs*. 2019. No. 1. P. 72–99.
- Flockhart T. 'Complex socialization': A framework for the study of state socialization // *European journal of international relations*. 2006. Vol. 12. No. 1. P. 89–118.
- Florea A. De facto states: Survival and disappearance (1945–2011) // *International Studies Quarterly*. 2017. Vol. 61. No. 2. P. 337–351.
- George A.L. Case studies and theory development: The method of structured, focused comparison // Alexander L. George: A Pioneer in Political and Social Sciences. Springer, Cham, 2019. P. 191–214.
- George A.L., Bennett A. Case studies and theory development in the social sciences. MIT Press, 2005. P. 17–35.
- Gerring J. Case study research: Principles and practices. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
- Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H. Network analysis for international relations // *International Organization*. 2009. Vol. 63. No. 3. P. 559–592.
- Lawson G., Hobson J. What is history in international relations? // *Millennium – journal of international studies*. 2008. Vol. 37 No. 2. P. 415–435. DOI: 10.1177/0305829808097648
- Ikenberry G.J. Liberal Leviathan: The origins, crisis, and transformation of the American world order. Princeton: Princeton University Press, 2011. 372 p.
- Ish-Shalom P. Democratic peace: A political biography. University of Michigan Press, 2013. 266 p.
- Kagan R. The benevolent empire // *Foreign Policy*. 1998. No. 111. P. 24–35.

- Kelley J.G. Scorecard diplomacy: Grading states to influence their reputation and behavior. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 355 p.
- Kennedy P. The rise and fall of the great powers. Vintage, 2010. 677 p.
- King G., Keohane R.O., Verba S. Designing social inquiry: Scientific inference in qualitative research. Princeton: Princeton University Press, 1994. 245 p.
- King G., Langche Zeng. Explaining Rare Events in International Relations // International Organization, 2005. Vol. 55. No. 3. P. 693–715.
- King G., Tomz M., Wittenberg J. Making the Most of Statistical Analyses: Improving Interpretation and Presentation // American Journal of Political Science. 2000. Vol. 44. No. 2. P. 347–361.
- Kydd A.H. International relations theory: the Game-theoretic approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 228 p.
- Lauretig A., Braumoeller B. Statistics and International Security // Oxford Handbook of International Security / Ed. by A. Gheciu, W.C. Wohlforth. Oxford: Oxford University Press, 2018. P. 133–151.
- Lebow R.N. Forbidden fruit: Counterfactuals and international relations. Princeton: Princeton University Press, 2010. 335 p.
- Levy J.S. Case studies: Types, designs, and logics of inference // Conflict Management and Peace Science. 2008. Vol. 25. No. 1. P. 1–18.
- Mandelbaum M. The case for Goliath: How America acts as the world's government in the twenty-first century. Public Affairs, 2005.
- Maoz Z. How network analysis can inform the study of international relations // Conflict Management and Peace Science. 2012. Vol. 29. No. 3. P. 247–256.
- Mearsheimer J. Benign Hegemony // International Studies Review. 2016. Vol. 18. No. 1. P. 147–149.
- Mearsheimer J., Walt S.M. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for International Relations // European Journal of International Relations. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 427–457.
- Moravcsik A. Transparency in Qualitative Research. Sage Research Methods Foundations. October. 2019. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781526421036>
- Moravcsik A. One Norm, Two Standards: Realizing Transparency in Qualitative Political Science // The Political Methodologist, 2014a. Vol. 22. P. 3–9.
- Moravcsik A. Trust, but Verify: The Transparency Revolution and Qualitative International Relations // Security Studies. 2014b. Vol. 23. No. 4. P. 663–688.
- Moravcsik A. Transparency: The Revolution in Qualitative Political Science // PS: Political Science & Politics. 2014c. No. 1. P. 48–53.
- Neustadt R., May R.E. Thinking in time: The uses of history for decision makers. Free press, 1986. 329 p.
- Nye Jr J. S. Is the American century over? John Wiley & Sons, 2015. 152 p.
- Pollock III Ph.H. The Essentials of Political Analysis. Fourth Edition. Washington: CQ Press, 2012. 268 p.
- Seckon J. Quality meets quantity: Case Studies, Conditional Probability, and Counterfactuals // Perspectives on Politics, 2004. Vol. 2. No. 2. P. 281–293.
- Tetlock P.E. Expert political judgement: How good is it? How can we know? 2005.
- The Oxford handbook of multimethod and mixed methods research inquiry / ed. by Sh.N. Hesse-Biber, R.B. Johnson. Oxford: Oxford University Press, 2015. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199933624.001.0001
- Thies C. A Pragmatic Guide to Qualitative Historical Analysis in the Study of International Relations // International Studies Perspectives. 2002. Vol. 3. No. 4. P. 351–372.
- Thomae H. The nomothetic-idiographic issue: Some roots and recent trends // International Journal of Group Tensions. 1999. Vol. 28. No. 1. P. 187–215.
- Trevorton G.F., Jones S.G. Measuring national power. RAND Corp Arlington VA National Security Research Div, 2005. URL: <https://apps.dtic.mil/docs/citations/ADA434665>
- Tversky A., Kahneman D. Belief in the law of small numbers // Psychological bulletin. 1971. Vol. 76. No. 2. P. 105–110.
- Vrasti W. The strange case of ethnography and international relations // Millennium. 2008. Vol. 37. No. 2. P. 279–301.
- Waever O. The sociology of a not so international discipline: American and European developments in international relations // International organization. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 687–727.
- Walt St. America's IR Schools are Broken. Foreign Policy. Feb. 20. 2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/02/20/americans-ir-schools-are-broken-international-relations-foreign-policy/>
- Waltz K.N. Theory of international politics. Waveland Press, 2010. 251 p.
- Thomas W. The ethics of destruction: Norms and force in international relations. Ithaca: Cornell University Press, 2001. 222 p.
- Wendt A. Collective identity formation and the international state // American political science review. 1994. Vol. 88. No. 2. P. 384–396.
- Wendt A. Social theory of international politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.

INTERNATIONAL RELATIONS. SCIENCE WITHOUT METHOD?

IGOR ISTOMIN
ANDREY BAYKOV

MGIMO University, Moscow, 119454, Russian Federation

KONSTANTIN KHUDDOLEY

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, 199034, Russian Federation

Abstract

2019 marks a centenary of the first Department of International Politics. It is a good opportunity to cast a retrospective look at International Relations' (IR) development as an independent cluster of academic disciplines. This cluster is evaluated in terms of maturity of its subject and its methodology. The authors present their reaction to the article by Alexey Fenenko, which rekindled the timely discussion of applicability of quantitative methods in international politics research. The authors present their view on the issue, contest Feneko's position, and compare the International Relations development in Russia and abroad. In the article reasons for existing differences between the two are emphasized, the place of the method per se is determined, and epistemological role of quantitative and qualitative analysis in the study of international life is outlined. The Russian school of IR in contrast to the established global one still finds itself at the methodological and, in this sense, pre-scientific stage of development, at which there is no "normal science" agreement on acceptable research methods. It remains considerably fragmented in the nature of the subject of inquiry and in the achievability of objective knowledge. In conclusion, the authors set their normative vision of epistemological and methodological balance, as well as schools of IR adhering to different ontological basis.

Keywords:

Theory of International Relations; quantitative and qualitative research methods; professionalization of International Relations; ontology, epistemology and methodology of international political sciences; paradigms in the sciences; "Normal science"; research program.

References

- (1976). *Sovremennyye burzhuaznyye teorii mezhdunarodnykh otnosheniy: kriticheskiy analiz*. [Modern bourgeois theories of international relations: a critical analysis]. M.: Nauka.
- Achen, Christopher H. (2005). Let's Put Garbage-Can Regressions and Garbage-Can Probits Where They Belong. *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 22 No. 4. P. 327–333.
- Alekseyeva T.A., Degterev D. A. (2017). Mezhdunarodnyye otnosheniya: spor o nauke i metodike. [International relations: a dispute about science and methodology]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk*. Vol. 87. No. 9. P. 848–857.
- Alekseyeva T.A., Lebedeva M.M. (2016). Chto proiskhodit s teoriyey mezhdunarodnykh otnosheniy. [What is happening with the theory of international relations]. *Polis: zhurnal politicheskikh issledovaniy*. No. 1. P. 29–43.
- Ankar C. (2008). On the applicability of the most similar systems design and the most different systems design in comparative research. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 11. No. 5. P. 389–401.
- Baddeley A. (2012). Working memory: theories, models, and controversies. *Annual review of psychology*. Vol. 63. P. 1–29.
- Baykov A.A. (2016). «Zolotoy standart» podgotovki mezhdunarodnoy i effektivnoy vneshney politiki. [The "Golden Standard" for the preparation of international and effective foreign policy]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. No. 1. P. 70–83.
- Beckley M. (2018). The Power of Nations: Measuring What Matters. *International Security*. Vol. 43. No. 2. P. 7–44.
- Bertoli A.D. (2017). Nationalism and conflict: Lessons from international sports. *International Studies Quarterly*. Vol. 61. No. 4. P. 835–849.

- Biddle S.D. (2004). *Military power: Explaining victory and defeat in modern battle*. Princeton: Princeton University Press. 337 p.
- Bogaturov A. (2000). Desyat' let paradigmy osvoyeniya. [Ten years of development paradigm]. *Pro et contra*. Vol. 5. No. 1. P. 195–201.
- Bogaturov A.D. (2004). Ponyatiye mirovoy politiki v teoreticheskom diskurse. [The concept of world politics in theoretical discourse]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 2. No. 4. P. 16–33.
- Borishpolets K.P. (2010). *Metody politicheskikh issledovaniy*. [Methods of Political Research]. Moscow. 230 p.
- Braumoeller, Bear F., Sartori A.E. (2004). The Promise and Perils of Statistics in International Relations. In Sprinz D.F., Volinsky-Nahmias Y. (eds) *Models, Numbers, and Cases: Methods for Studying International Relations*. Ann Arbor: University of Michigan Press, pp. 129–151.
- Brooks S.G., Wohlforth W.C. (2016). *America Abroad: The United States' Global Role in the 21st Century*. Oxford University Press.
- Bull H. (1996). International theory: The case for a classical approach. *World politics*. Vol. 18. No. 3. P. 361–377.
- Buzan B., Lawson G. (2015). *The global transformation: history, modernity and the making of international relations*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 232–233.
- Degterev D.A. (2015a). Kolichestvennyye metody v mezhdunarodnykh issledovaniyakh [Quantitative methods in international studies]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No. 2. P. 35.
- Degterev D.A. (2015b). Setevoy analiz mezhdunarodnykh otnosheniy. [Network analysis of international relations]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6. Politologiya. Mezhdunarodnyye otnosheniya*. No. 4. P. 119–138.
- Degterev D.A. (2016). *Prikladnoy kolichestvennyy analiz i modelirovaniye mezhdunarodnykh otnosheniy: uchebnik*. [Applied quantitative analysis and modeling of international relations: a textbook]. M.: RUDN. 556 p.
- Farrel H., Finnemore M. (2009). Ontology, methodology and causation in the American school of international political economy. *Review of International Political Economy*. Vol. 16. No. 1. February. P. 58–71.
- Faure A.M. (1994). Some methodological problems in comparative politics. *Journal of Theoretical Politics*. Vol. 6. No. 3. P. 307–322.
- Fearon J.D. (1991). Counterfactuals and hypothesis testing in political science. *World politics*. Vol. 43. No. 2. P. 169–195.
- Fenenko A. (2019). "Long Peace" and Nuclear Weapons. *Russia in Global Affairs*. No. 1. P. 72–99.
- Fenenko A.V. (2016). Pochemu v Amerike ne lyubyat publikovat' rossiyskikh avtorov? [Why America doesn't like to publish Russian authors?]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 14. No. 1. P. 172–180.
- Fenenko A.V. (2018). Statistika protiv istorii [Statistics against history]. *Mezhdunarodnye protsessy*. No. 3. P. 56–83.
- Flockhart T. (2006). 'Complex socialization': A framework for the study of state socialization. *European journal of international relations*. Vol. 12. No. 1. P. 89–118.
- Florea A. (2017). De facto states: Survival and disappearance (1945–2011). *International Studies Quarterly*. Vol. 61. No. 2. P. 337–351.
- Gaman-Golutvina O.V. (2019). Preodolevaya metodologicheskuyu raznitsu. [Bridging the Mthodological Difference]. *Polis: zhurnal politicheskikh issledovaniy*. No. 5. P. 19–42.
- George A.L. (2019). *Case studies and theory development: The method of structured, focused comparison*. In George A.L. A Pioneer in Political and Social Sciences. Springer, Cham. P. 191–214.
- George A.L., Bennett A. (2005). *Case studies and theory development in the social sciences*. MIT Press. P. 17–35.
- Gerring J. (2006). *Case study research: Principles and practices*. Cambridge: Cambridge university press.
- Hafner-Burton E.M., Kahler M., Montgomery A.H. (2009). Network analysis for international relations. *International Organization*. Vol. 63. No. 3. P. 559–592.
- Hesse-Biber Sh.N., Johnson R.B. (eds) (2015). *The Oxford handbook of multimethod and mixed methods research inquiry*. Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199933624.001.0001
- Ikenberry G.J. (2011). *Liberal Leviathan: The origins, crisis, and transformation of the American world order*. Princeton: Princeton University Press. 372 p.
- Ish-Shalom P. (2013). *Democratic peace: A political biography*. University of Michigan Press. 266 p.
- Istomin I.A., Baykov A.A. (2015). Sravnitel'nyye osobennosti otechestvennykh i zarubezhnykh nauchnykh zhurnalov. [Comparative features of domestic and foreign scientific journals]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 13. No. 2. P. 114–140.
- Kagan R. (1998). The benevolent empire. *Foreign Policy*. No. 111. P. 24–35.
- Kelley J.G. (2017). *Scorecard diplomacy: Grading states to influence their reputation and behavior*. Cambridge: Cambridge University Press. 355 p.

- Kennedy P. (2010). *The rise and fall of the great powers*. Vintage. 677 p.
- Khrustalev M.A. (2008). *Analiz mezhdunarodnykh situatsiy i politicheskaya ekspertiza: ocherki teorii i metodologii*. [Analysis of international situations and political expertise: essays on theory and methodology]. 231 p.
- King G., Keohane R.O., Verba S. (1994). *Designing social inquiry: Scientific inference in qualitative research*. Princeton: Princeton University Press. 245 p.
- King G., Langche Zeng. (2001). Explaining Rare Events in International Relations. *International Organization*. Vol. 55. No. 3. P. 693–715.
- King G., Tomz M., Wittenberg J. (2000). Making the Most of Statistical Analyses: Improving Interpretation and Presentation. *American Journal of Political Science*. Vol. 44. No. 2. P. 347–361.
- Kydd A.H. (2015). *International relations theory: the Game-theoretic approach*. Cambridge: Cambridge University Press. 228 p.
- Lauretig A., Braumoeller B. (2018). *Statistics and International Security*. Ghécui A., William C. Wohlforth W.C. Oxford Handbook of International Security. Oxford: Oxford University Press.
- Lawson G., Hobson J. (2008). What is history in international relations? *Millennium – journal of international studies*. Vol. 37. No. 2. P. 415–435. DOI: 10.1177/0305829808097648
- Lebow R.N. (2010). *Forbidden fruit: Counterfactuals and international relations*. Princeton: Princeton University Press. 335 p.
- Levy J., Goertz G. (ed.). (2007). *Explaining war and peace: case studies and necessary condition counterfactuals*. Oxon: Routledge. 346 p.
- Levy J.S. (2008). Case studies: Types, designs, and logics of inference. *Conflict management and peace science*. Vol. 25. No. 1. P. 1–18.
- Mandelbaum M. (2005). *The case for Goliath: How America acts as the world's government in the twenty-first century*. Public Affairs. 283 p.
- Maoz Z. (2012). How network analysis can inform the study of international relations. *Conflict Management and Peace Science*. Vol. 29. No. 3. P. 247–256.
- Mearsheimer J. (2016). Benign Hegemony. *International Studies Review*. Vol. 18. No. 1. P. 147–149.
- Mearsheimer J., Walt S. M. (2013). Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for International Relations. *European Journal of International Relations*. 2013. Vol. 19. No. 3. P. 427–457.
- Moravcsik A. (2014a). One Norm, Two Standards: Realizing Transparency in Qualitative Political Science. *The Political Methodologist*. Vol. 22. No.1. P. 3–9.
- Moravcsik A. (2014b). Trust, but Verify: The Transparency Revolution and Qualitative International Relations. *Security Studies*. Vol. 23. No. 4. P. 663–688.
- Moravcsik A. (2014c). Transparency: The Revolution in Qualitative Political Science. *PS: Political Science & Politics*. No. 1. P. 48–53.
- Moravcsik A. (2019). Transparency in Qualitative Research. *Sage Research Methods Foundations*. October. DOI: <http://dx.doi.org/10.4135/9781526421036>
- Neustadt R., May R.E. (1986). *Thinking in time: The uses of history for decision makers*. Free press. 329 p.
- Nye Jr J.S. (2015). *Is the American century over?* John Wiley & Sons. 152 p.
- Pollock III Ph.H. (2012). *The Essentials of Political Analysis*. Fourth Edition. Washington: CQ Press. 268 p.
- Seckon J. (2004). Quality meets quantity: Case Studies, Conditional Probability, and Counterfactuals. *Perspectives on Politics*. Vol. 2. No. 2. P. 281–293.
- Sergeyev V.M., Kazantsev A.A., Medvedeva S.M. (2019). Krizis konstruktivizma i metodologicheskiye problemy izucheniya mezhdunarodnykh otnosheniy. [The crisis of constructivism and methodological problems in the study of international relations]. *Polis: zhurnal politicheskikh issledovaniy*. No. 5. P. 56–70.
- Tetlock P. E. (2005). *Expert political judgement: How good is it? How can we know?* Princeton University Press. 344 p.
- Tetlock P. E., Belkin A. (ed.). (1996). *Counterfactual thought experiments in world politics: Logical, methodological, and psychological perspectives*. Princeton: Princeton University Press.
- Thies C. (2002). A Pragmatic Guide to Qualitative Historical Analysis in the Study of International Relations. *International Studies Perspectives*. Vol. 3. No. 4. P. 351–372.
- Thomae H. (1999). The nomothetic-ideographic issue: Some roots and recent trends. *International Journal of Group Tensions*. Vol. 28. No.1. P. 187–215.
- Thomas W. (2001). *The ethics of destruction: Norms and force in international relations*. Ithaca: Cornell University Press. 222 p.
- Timofeyev I.N. (2010). Formalizovannyye metody issledovaniya v politologii i sravnitel'noy politike: perspektivy politologicheskoy shkoly MGIMO. [Formalized research methods in political science and comparative politics: prospects of the political science school of MGIMO]. *Sravnitel'naya politika*. No. 1. P. 121–129.

- Torkunov A.V. (2018). Vyzovy sotsiogumanitarnoy nauki v Rossii. [Challenges of socio-humanitarian science in Russia]. *Polis: zhurnal politicheskikh issledovaniy*. No. 5. P. 8–16.
- Torkunov A.V. (2019). Mezhdunarodnyye otnosheniya: khaos ili plyuralizm. [International relations: chaos or pluralism]. *Polis: zhurnal politicheskikh issledovaniy*. No. 5. P. 7–18.
- Treverton G. F., Jones S. G. (2005). *Measuring national power*. RAND Corp Arlington VA National Security Research Div. URL: <https://apps.dtic.mil/docs/citations/ADA434665>
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2007). *Sotsiologiya mezhdunarodnykh otnosheniy*. [Sociology of international relations.]. M.: Aspekt Press. 237 p.
- Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. (2017). Prosveshchennoye derzhavnichestvo [Enlightened Sovereignty]. *Polis: zhurnal politicheskikh issledovaniy*. No. 4. P. 175–185.
- Tsygankov P.A. (2013). «Mezhdunarodnyye otnosheniya i mirovaya politika» konsolidatsiya uchebno-nauchnoy distsipliny? [“International Relations and World Politics” consolidation of academic discipline?]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 11. No. 34. P. 6–20.
- Tsygankov P.A., Tsygankov A.P. (2005). Mezhdunarodnyye otnosheniya i natsionalizm: rossiyskiy liberalizm i mezhdunarodnyye otnosheniya. [Between Western and Nationalism: Russian Liberalism and International Relations]. *Voprosy filosofii*. No. 1. P. 3–18.
- Tversky A., Kahneman D. (1971). Belief in the law of small numbers. *Psychological bulletin*. Vol. 76. No. 2. P. 105–110.
- Voytlovskiy F.G. (2006). «Proizvodstvo» intellektual'nogo prostranstva mirovoy politik [“Production” of the intellectual space of world politics]. *Mezhdunarodnye protsessy*. Vol. 4. No. 2. P. 100–111.
- Vrasti W. (2008). The strange case of ethnography and international relations. *Millennium*. Vol. 37. No. 2. P. 279–301.
- Waever O. (1998). The sociology of a not so international discipline: American and European developments in international relations. *International organization*. Vol. 52. No. 4. P. 687–727.
- Walt St. (2008). America's IR Schools are Broken. *Foreign Policy*. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/02/20/americans-ir-schools-are-broken-international-relations-foreign-policy/>
- Waltz K. N. (2010). *Theory of international politics*. Waveland Press. 251 p.
- Wendt A. (1994). Collective identity formation and the international state. *American political science review*. Vol. 88. No. 2. P. 384–396.
- Wendt A. (1999). *Social theory of international politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 429 p.